

ДИСКУРС В НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЕ ЛИНГВИСТИКИ

DISCOURSE IN SCIENTIFIC PARADIGM OF LINGUISTICS

1. Дискурс и человеческое общество

Спектр проблем современной коммуникативной лингвистики обусловлен наличием различных аспектов ее объекта исследования. С одной стороны, необходимо исследовать порождаемые дискурсом разнообразие коммуникативных форм речевого поведения и различные виды отношений между участниками дискурсивных практик. С другой стороны, необходимо исследовать языковую манифестацию ролевых проявлений субъектами общения и экспектаций, связанных с реализацией этих ролевых проявлений в интерактивном обмене. Перечисленные факты делают изучение различных аспектов любого дискурса одной из сложных и актуальнейших проблем в науке о функционировании языка в обществе.

«Жить нормально всем — значит быть обществом. А общество — уже не толпа, не масса, договариваться надо, да-с, и, следовательно, уметь говорить, формулировать, а речь в упадке, она все дефицитнее» (Черникова, 2008: 9).

Несмотря на уверенность человека в том, что нельзя "заглянуть" в сознание другого (в "черный ящик"), (практически) каждый из нас убежден, что существуют определенные ментальные процессы, которые связывают производство и понимание текста как с высказыванием, текстом и коммуникацией, так и с социальными явлениями. Данный факт становится особенно очевидным при анализе таких феноменов, как языковое поведение, стереотипы, предрассудки, присущие социальным группам. Более того, мы обязаны принимать во внимание убеждения, мнения, воспоминания о прошлом при изучении проблемы идентичности, изложении событий прошлого, поскольку они являются обязательными составляющими рассматриваемых дискурсивных практик; такие понятия, как "коллективная память", "воображаемое сообщество" есть неотъемлемые категории когнитивных процессов (Halbwachs 1985; Anderson 1988; Confino 1997; Wodak 1999; Heeretal. 2003; Musolff 2004).

Кроме того, даже в повседневной жизни мы постоянно на собственном опыте убеждаемся, как мы неизбежно и чаще всего автоматически сводим сложности жизни к определенным ментальным моделям, общеизвестным истинам, которые влияют на принятие решений и межличностное взаимодействие (Luhmann 1984). Будучи носителем определенной культуры, человек научился быстро распознавать систематически повторяющиеся события, соответственно реагировать на них и обновлять информацию (см. Kunda 1999). Таким образом, когнитивный и социокогнитивный подходы становятся частью исследований дискурсивных практик, поскольку задачей любого направления в дискурсивном анализе является анализ/понимание и

объяснение социальных проблем междисциплинарного характера. (Водак, 2006: 123-136)

2. Системы в науке и системный характер дискурса

Функционирование системы любого порядка представляет собой динамический процесс, в котором важное место отводится двум ее сторонам. Во-первых, строению системы, от чего зависит также характер взаимодействия ее составляющих и, во-вторых, воздействию на них, т.е. тем способам, с помощью которых достигается наибольший результат выполнения целевой функции системы.

Добавим также, что любая система, в том числе и **система дискурса**, обладает той способностью, что входящие в нее конститuentы, ее единицы играют в ней неодинаковую роль, выполняют различные функции. Поэтому в системе всегда существует иерархический соподчиненный характер отношений между ее единицами, где могут быть, так сказать, высшие, средние и низшие инстанции, отличающиеся друг от друга, как направленностью, так и интенсивностью всего воздействия. Направленность и степень воздействия единиц дискурса координируются партнерами в процессе взаимодействия, что позволяет считать **дискурс системой скоординированных коммуникантами действий по управлению диалогическим общением**, осуществляемых партнерами в соответствии с целями и соответствующими речевыми стратегиями.

3. Структура лингвистики и место дискурсивного анализа в ней

НАУКА КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ ЯВЛЕНИЕ — представляет собой динамическую систему объективно-достоверных знаний о существенных связях действительности, получаемых и развиваемых в результате специальной деятельности и превращаемых благодаря их применению в непосредственную практическую силу.

ЛИНГВИСТИКА — как **НАУКА** представляет собой систему объективно-достоверных знаний и является определенной социальной организацией:

1. ОБЛАСТЬ ЗНАНИЙ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЗАКАЗ
2. ОБЪЕКТ, ПРЕДМЕТ
3. ПЕРСОНЫ, ШКОЛЫ, НАПРАВЛЕНИЯ
4. ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ
5. МЕТОДЫ, МЕТОДИКИ
6. ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

СТРУКТУРА ЛИНГВИСТИКИ — ПРАКТИЧЕСКАЯ (предмет — язык, с целью использования его как средства общения); Прикладная (предмет — теория языка: языковые единицы в системе языка, правила комбинаторики, природа грамматических категорий и подоб.); ОБЩАЯ.

Частная — изучает один или группу родственных языков (напр.: *славистика, белорусистика, полонистика, романистика, тюркология, балканистика, кавказоведение и т.д.*)

Общая — изучает язык вообще, его природу, происхождение, развитие, функционирование, структуру, классификации языков и т.д.; *включает разновидности: лингвистика универсалий, типологическая лингвистика, лингвосемиотика, ареальная лингвистика, когнитивная лингвистика, коммуникативная лингвистика, дискурсивный анализ и пр.*

4. Общая характеристика понятия «Дискурс»

Дискурс (фр. discours, англ. discourse, от лат. discursus 'бегание взад-вперед; движение, круговорот; беседа, разговор'), речь, процесс языковой деятельности; способ говорения. Многозначный термин ряда гуманитарных наук, предмет которых прямо или опосредованно предполагает изучение функционирования языка, — лингвистики, литературоведения, семиотики, социологии, философии, этнологии и антропологии.

Определения:

Дискурс — это процесс языковой деятельности плюс ее результат

Процесс языковой деятельности = коммуникация

Результат языковой деятельности = текст

Коммуникация + текст = **дискурс**

Понятие «дискурс» (и его трактовка) до сих пор является многозначным термином гуманитарных наук. Характерно, что понятие дискурса (discourse) глубоко укоренилось во многих науках, связанных в первую очередь с проблемами антропоцентризма, таких как лингвистика, критическая теория, социология, социальная психология, философия и др. Разнообразие всевозможных подходов, определений и трактовок феномена дискурса настолько велико, что очень часто само понятие «дискурс» остается без должного внимания, поскольку считается, что оно уже прочно вошло в структуру общих знаний и не требует дополнительных разъяснений, так как прямо или опосредованно дискурс предполагает изучение функционального механизма конкретных единиц анализа.

Однако, как справедливо подметила Сара Миллз (Mills, 1999), область применения данного понятия и способы его трактовок «остаются до сих пор неясными и просто не поддаются здравому смыслу».

Своеобразной параллелью многозначности этого термина является и поныне не устоявшееся ударение в нем: чаще встречается ударение на втором слоге, но и ударение на первом слоге также не является редкостью.

И даже в таких сферах гуманитарного знания как, например, лингвистика, межкультурная коммуникация, теория литературы, культурология, журналистика, телевизионная коммуникация понятие дискурса трактуется достаточно широко и обладает большим количеством значений и

разночтений, не говоря уже о тех областях теоретического знания (семиотика, архитектура, педагогика, социология, политология — ср.: «дискурс города», «дискурс власти», «дискурс инакомыслия» и т. п.), где оно чаще всего встречается, несмотря на то, что менее всего изучено.

Четкого и общепризнанного определения «дискурса», охватывающего все случаи его употребления, не существует, и не исключено, что именно это способствовало широкой популярности, приобретенной этим термином за последние десятилетия: связанные нетривиальными отношениями различные понимания удачно удовлетворяют различные понятийные потребности, модифицируя более традиционные представления о речи, тексте, диалоге, стиле и даже языке. Во вступительной статье к вышедшему на русском языке в 1999 сборнику работ, посвященных французской школе анализа дискурса, Патрик Серио приводит заведомо не исчерпывающий список из восьми различных пониманий, и это только в рамках французской традиции. Патрик Серио называет 8 значений слова «дискурс», из которых интересны следующие:

1. «речь» в сосюрсовском смысле, т.е. любое конкретное высказывание;

2. в рамках теории высказывания или прагматики — воздействие высказывания на получателя и его внесение в «высказывательную» ситуацию (что подразумевает субъекта высказывания, адресата, момент и определенное место высказывания);

3. обозначение системы ограничений, которые накладываются на неограниченное число высказываний в силу определенной социальной или идеологической позиции (например: «феминистический дискурс», «административный дискурс»).

«Дискурс — это "язык в языке", но представленный в виде особой социальной данности. Дискурс реально существует не в виде своей "грамматики" и своего "лексикона", как язык просто. Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, — в конечном счете — особый мир.

5. Понятие «дискурса» в лингвистике

Но прежде чем говорить о специфике использования (функционирования) понятия дискурс в тех или иных областях и сферах гуманитарного знания, целесообразно рассмотреть объем значения этого феномена, обратившись, прежде всего, к данным словарей, в которых можно определить общую структуру значений этого слова.

Сразу же следует обратить внимание на то, что словарные дефиниции предлагают всего лишь его основные значения. При этом можно наблюдать смешивание как основных, так и узких (специфических) значений, а, как

известно, значения теоретического порядка практически всегда перекрывают область основных значений.

Прежде чем сравнивать словарные толкования понятия «дискурс», необходимо сразу же отметить, что история развития семантического значения этого слова менялась на разных этапах, о чем свидетельствуют словарные дефиниции.

Ср., например:

- **discourse** 1. verbal communication; talk; conversation; 2. a formal treatment of a subject in speech or writing; 3. a unit of text used by linguists for the analysis of linguistic phenomena that range over more than one sentence; 4. to discourse: the ability to reason (archaic); 5. to discourse on / upon: to speak or write about formally; 6. to hold a discussion; 7. to give forth (music) (archaic). (14th century from Medieval Latin *discursus*: argument, from Latin *a running to and from discurrere*) (Collin Concise Dictionary, 1988);

- **discourse** 1. a conversation, especially of a formal nature; formal expression of ideas in speech or writing; also such expression in the form of a sermon (1) проповедь 2); поучение, нотация), treatise (1) исследование 2) монография 3) трактат 4) трактование), etc.; a piece of a unit of connected speech or writing (Middle English: *discourse* from Latin: act of running about) (Longman Dictionary of the English Language, 1984).

Очевидно, что слово «дискурс» в своём основном значении имеет общую разговорную доминанту и переводится примерно как «разглагольствовать по поводу предмета, говорить речь». Кстати сказать, на это указывает и этимология самого слова.

- Понятия, близкие дискурсу: текст, диалог, коммуникация, речь.

Дискурс и текст рассматривается в трудах таких лингвистов как Майкл Стаббс (Stubbs, 1983); Дэвид Кристал (Crystal, 1987); Джереми Хоторн (Hawthorn, 1992); ван Дейк (Van Dijk, 1989); И.Р. Гальперин (1981); Г.Л. Орлов (1982); В.Г. Борботько (1985); З.Я. Тураева (1986); А.А. Романов (1988); Н.Д. Арутюнова (2000) и др.

Как уже отмечалось, термин «дискурс», как он понимается в современной лингвистике, близок по смыслу к понятию «текст», однако подчеркивает динамический, разворачивающийся во времени характер языкового общения; в противоположность этому, текст мыслится преимущественно как статический объект, результат языковой деятельности. Иногда «дискурс» понимается как включающий одновременно два компонента: и динамический процесс языковой деятельности, вписанной в её социальный контекст, и её результат (т.е. текст); именно такое понимание является предпочтительным. Иногда встречающиеся попытки заменить понятие дискурса словосочетанием «связный текст» не слишком удачны, так как любой нормальный текст является связным.

Даже в рамках одной лингвистической области существует целое множество различных трактовок понятия дискурс, которое, кстати сказать,

либо смешивается с понятием «текст», либо отличается от этого понятия незначительными оттенками.

Примечательна в этом плане попытка Дэвида Кристала (Crystal, 1987) дать определение понятию «discourse» в рамках лингвистического противопоставления его понятию текст. Он отмечал, что при исследовании понятия «discourse» внимание исследователей, как правило, фокусируется на живом языке, естественном общении, комментарии, интервью. А исследователи текста в свою очередь фокусируют внимание на структуре языка, письма, графики, эссе, заметки, сюжета. При этом, как отмечает Д. Кристал, «не существует четкой границы между этими двумя понятиями. Понятия «discourse» и «text» имеют более широкий смысл при употреблении во всех языковых единицах с определяемой коммуникативной функцией независимо от письменной или устной формы. Просто некоторые учёные говорят о «дискурсе письма и речи», а другие — о «сказанном или написанном тексте» (Crystal, 1987: 116).

Обращает на себя внимание тот факт, что термин «дискурс», как и всякий другой термин, в большей степени определяется посредством противопоставления. Для этих целей имеется достаточное количество языковых образований, которым может быть противопоставлен дискурс, в частности текст, предложение. Причем каждое из этих структурных образований языка может по-своему определять понятие «дискурс».

Примечателен подход к понятию «дискурс» Джеффри Лича и Майкла Шорта, которые определяют дискурс следующим образом: «Дискурс» — это процесс лингвистической коммуникации, которая является своеобразной «сделкой между говорящим и слушающим». Характер такой сделки отражает (представляет собой) внутри личностный процесс, форма которого определяется социальной задачей. В свою очередь текст представляет собой также процесс лингвистической коммуникации как в письменной, так и в устной формах, и рассматривается как закодированное сообщение, направленное какой-либо аудитории или медиуму (Hawthorn, 1992:189).

В этой связи обращает на себя внимание комментарий Джереми Хоторна по поводу противопоставления текст — дискурс. Ссылаясь на Майкла Стаббса (Stubbs, 1983), который рассматривал в большей или меньшей степени эти два понятия как синонимы, он отмечал, что бывают случаи, когда текст может быть написан, а дискурс — представлен в устной форме. Более того:

- текст не обладает интерактивностью, а дискурс интерактивен всегда,
- текст может быть коротким или длинным, а дискурс всегда указывает на определённую длину (протяженность);
- текст обладает поверхностной связью составляющих, зафиксированных в поверхностной структуре, а дискурс представляет собой структуру имеющую глубинные связи;
- текст чаще всего абстрактен, а дискурс конкретен и прагматичен. (Hawthorn, 1992:189).

Итак — **1) текст:**

- не обладает интерактивностью;
- статичен;
- может быть коротким или длинным;
- обладает поверхностной связью составляющих, зафиксированных в поверхностной структуре;
- чаще всего абстрактен;
- не всякий текст является дискурсом;

2) дискурс:

- всегда интерактивен;
- динамичен;
- всегда указывает на определённую длину (протяженность);
- представляет собой структуру имеющую глубинные связи;
- конкретен и прагматичен;
- дискретность — априорное свойство любого дискурса;
- всегда является текстом;
- является частным случаем текста.

Вероятнее всего, говорить о тексте как о продукте дискурса позволяет использование в лингвистике базового для когнитивных наук постулата о квантовом характере мышления. Выделение У. Чейфом в информационном потоке единиц (клауз, чанков), соизмеримых с квантами мышления, приводит к представлению о дискретно-волновой природе дискурса.

В этой связи можно предположить, что дискретность — **априорное свойство любого дискурса**, а деление информационного потока на клаузы происходит независимо от интенций говорящего и коммуникативной ситуации в целом. Здесь важно иметь в виду, что распределение информации по клаузам при построении дискурса остается неизменным, так как выбор говорящего зависит от ситуационного и лингвистического контекста. Правда, иногда встречаются попытки заменить понятие дискурса словосочетанием «связанный текст», что на наш взгляд не является удачным, так как любой нормальный текст является связанным. Сравните: дискурс — «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте» (Арутюнова, 2000:136).

Эта линия смещения понятий проявилась со всей очевидностью во второй половине XX века в утвердившейся структурно-семантической парадигме (подходе). В первую очередь названное явление было описано в работах по грамматике (лингвистике) текста. Так, З.Я. Тураева отмечает, что «как некая объективная реальность текст существует в определенных параметрах вне сознания творящего и воспринимающего его субъекта. В этом смысле он представляет собой закрытую систему, для которой характерно состояние покоя» (Тураева, 1986:12).

Более традиционной точки зрения придерживается И.Р. Гальперин, который рассматривает текст как факт письменной формы языка. При этом смешиваются прямое и метонимическое значения, и термин «текст» уже

соотносим с фрагментом текста. «Текст — произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» (Гальперин, 1981:18).

Отмеченный выше фактор протяженности речетворческого процесса позволяет Г.Л. Орлову рассматривать дискурс как категорию (естественной) речи, как материализуемость в виде устного или письменного речевого произведения, относительно завершенного в смысловом и структурном отношении, длина которого потенциально вариативна: от синтагматической цепи свыше отдельного высказывания (предложения) до содержательно-цельного произведения (рассказа, беседы, описания, инструкции, лекции и т.п.).

В принципе эту позицию разделяет и В.Г. Борботько, подчеркивая, что дискурс — есть текст, но такой, который состоит из коммуникативных единиц языка — предложений и их объединений в более крупные единства, находящихся в непрерывной смысловой связи, что позволяет воспринимать его как цельное образование. При этом он отмечает, что текст как языковой материал не всегда представляет собой связную речь, т.е. дискурс. Текст — более общее понятие, чем дискурс. Дискурс всегда является текстом, но обратное неверно. Не всякий текст является дискурсом. Дискурс — частный случай текста.

Текстоцентрический подход к регуляции общения

Текстоцентрический подход к проблеме регуляции «текстовой (речевой) деятельности» (Хэллидей, 1978: 143-144; Дридзе, 1980: 13-14; Дридзе, 1984: 57) проявился в полной мере во взглядах исследователей коммуникативно-прагматической разновидности грамматики текста (см.: Николаева, 1978: 8-12; Ван Дейк, 1978; Шендельс, 1985: 33; Шендельс, 1978: 9), которая исходит из центрального положения о том, что языковая коммуникация есть один из видов человеческой деятельности. С этих позиций текст рассматривается как фиксированный результат речевой деятельности, представленный не в виде простой суммы отдельных составляющих — чаще всего предложений, — а в виде некоего генеративного целевого, «оперативного звена» по М. Хэллидею (Хэллидей, 1980: 121-124; Москальская, 1981: 13; Колшанский, 1984: 89-93; Новиков, 1983: 21-22; Черняховская, 1983: 117; Сорокин, 1985: 8 и др.). Нередко такое оперативное звено именуется в рамках данного направления также «дискурсом» (Звегинцев, 1976: 170; Виноград, 1978: 11-12; Ыйм, 1980: 79; Борботько, 1981: 8; Юганов, 1983: 7; Ван Дейк, 1980: 17) или «коммуникантом» (Брчакова, 1979: 248-251; Кафкова, 1979: 236; Данеш, 1976: 29-31).

При этом текст как «функционально-семантическое понятие» (Хэллидей, 1980: 121) выступает в качестве «орудия речевого обращения» (Сусов, 1980: 6; Сидоров, 1982: 16) по-разному: для говорящего он — результат речевой деятельности, а для адресата — «объект рецепции» (Богин, 1986: 7-8). В этой функции текст как продукт речевой деятельности характеризуется набором следующих **конститутивных признаков или категорий**:

- **повторяемостью** (рекуррентностью) семантических признаков;
- **информативностью**, которая может быть представлена в виде тематического ядра;
- **коммуникативной функциональностью** в плане выполнения (реализации) какой-то коммуникативной задачи;
- **семантической полнотой**, т.е. текст должен быть цельным в семантическом отношении; рекуррентность, информативность и семантическая полнота составляют понятие «текстуальности» текста;
- **наличием общественного (социального) санкционирования** в смысле **общепринятости**, узаконенности;
- **ситуативной обусловленностью**, поскольку любой текст порождается в той или иной ситуации, которая детерминирует содержание, форму, «организацию» текста как представителя какого-то типа текстов;
- **интенциональностью**, т.е. намерением говорящего сказать (или же написать) что-либо с определенной целью (ср., правда, иное представление о понятии интенциональность у: Вагнер, 1984);
- **грамматичностью**, т.е. соблюдением грамматических норм языка, на которых строится текст;
- **приемлемостью**, относящейся к адресату (получателю) речи, которую он определяет тем, насколько ценна, важна и полезна информация направленного на него текста, его восприятие и интерпретация текста (ср. в этой связи термин В.Н. Волошинова — «оценочное восприятие слушателя» 1930: 69; 1931);
- **интертекстуальностью или межтекстуальной связью**, которая призвана определять как понимание, так и знакомство адресата с другими текстами подобного типа (см.: Верлих, 1975; Агрикола, 1977; Леонтьев, 1976; Николаева, 1978; Николаева, 1984; Београнде, Дресслер, 1981; Гальперин, 1981; Откупщикова, 1982; Шендельс, 1985 и др.).

Представленная характеристика текста свидетельствует о том, что в рамках выделенного направления текст рассматривается чаще всего в абстракции от деятельности с ним и представляет лишь предметно-знаковую данность, в которой зафиксированным образом отражаются взаимодействия партнеров, связанных с этим текстом. Отношения между автором и адресатом в плане координации их речевой (или «текстовой») деятельности для решения какой-то одной, чаще всего, общей, коммуникативной задачи отражаются косвенным образом, а именно: через свойства приемлемости, интенсивности, коммуникативности. Орудийная функция текста в плане управления и

регуляции речевого поведения партнером или же своей собственной «текстовой деятельностью» оставалась вне поля зрения исследователей.

Подход к тексту как предметно-знаковой данности вне деятельностных параметров был перенесен на анализ «разговорных текстов дискурсивного порядка» (Бринкер, 1985: 15), в которых значимыми были признаки социальной характеристики партнеров, их коммуникативно-ролевого статуса, ситуативной обусловленности порождения текста, что давало возможность рассматривать вопросы регулятивности наряду с текстовой деятельностью. Справедливости ради следует отметить, что вопросы регулятивности затрагивались в той или иной мере лишь при анализе конкретных категорий текста, не фиксируя внимания на ее проявления в них.

Так, например, рассматривая свойство текста быть информативным, подчеркивалась потенциальная возможность выхода на регулятивную сущность отношений между партнерами в плане их взаимной координации вниманием друг к другу. Было замечено также, что если информативность текста мала для партнера, то у него может возникнуть чувство неудовлетворения, раздражительности, а если текст перенасыщен информативностью, то его восприятие и интерпретация партнером будет также осложнена (Дридзе, 1980: 59-62). Однако оценочное восприятие информативности текста у адресата может меняться, если оно будет рассматриваться на фоне признака текстовой ситуативности (ср.: Хаверкате, 1984: 38-39; Метцельтин, 1983: 32-43).

Действительно, тексты типа (3) Земля круглая; (4) Море состоит из воды могут представлять собой обычные трюизмы в информативном аспекте, ибо заложенная в них информация входит в общий фонд знаний партнеров, в их «коммуникативно-прагматическую (коммуникативную, языковую) компетенцию» (ср.: Вундерлих, 1969; Вундерлих, 1969; 1976; Ланг, 1977).

Однако тот же текст (4), произнесенный в другой ситуации, например, на уроке или же, как описание в учебнике, приобретает иную «информативную ценность, значимость» (Кочергин, Цайер, 1977: 146-147), иную коммуникативную нагрузку, а значит, по-другому будет оказывать влияние на адресата к нему. В частности, если этот текст используется для объяснения на уроке природоведения, например, то его цель направлена на раскрытие субстанции моря. В этом плане его коммуникативная функция сводится к интродукции этого текста в класс ему подобных и тем самым выходит на уровень межтекстуальной связи (ср. признак интертекстуальности) монотематического порядка, решая задачу «разработки» одной темы: вода является основной субстанцией моря. Хотя в действительности вода в море представляет собой раствор газов и солей, в котором обитают живые организмы.

Необходимо заметить, что анализ взаимодействия текстовых категорий (свойств) может показаться чрезвычайно полезным для решения вопросов по управлению текстовой деятельностью, при разработке системы регулятивных средств общения (коммуникативного взаимодействия, если исходить из известного утверждения Х. Вайнриха (1964: 15-25) о том, что общение

осуществляется текстами). Умение партнеров оперировать их особенностями, общие знания о структурной и функциональной специфике того или иного типа текстов помогает эффективнее использовать тексты как орудие в достижении определенных целей. В особенности это справедливо по отношению к таким категориям текста как интертекстуальность, направленную на фреймовую интерпретацию конкретного текста с его типовым представителем на фоне как фиксированных, не меняющихся, так и новых, ситуативных параметров типового текста, информативность, интенциональность и связность (когезия и когерентность как внутренняя и внешняя связность).

Более очевидно, что коммуникативно-прагматический подход к тексту как сложному, комплексному «акту коммуникативного контакта» (Бринкер, 1985: 14-15) сближает его с теорией речевой деятельности, разработанной в школе советской психолингвистики (см.: Тарасов, 1987: 96-102), что позволяет использовать определенные категориальные параметры текста как продукта коммуникативного акта для разработки вопросов регуляции речевым общением, имея при этом в виду определенную ограниченность названного подхода. Ибо грамматика текста, «сближаясь с теорией речевых актов» (Вейдт, 1981: 253-256) в частности и речевой деятельности вообще, отличается от них, прежде всего тем, что текст и его категориальные свойства рассматриваются как бы в отрыве от коммуникативных условий своего функционирования (ср.: Сусов, 1980: 6). В текстах, построенных без учета его интерактивной сущности, т.е. в монологических текстах — а прагматика текста нередко избирает в качестве своего объекта исследования именно такие тексты (см.: Ван Дейк, 1978; Фивегер, 1982; Кох, Розенгрэн, Шонебом, 1981; Розенгрэн, 1983; Никула, 1983; Хельбиг, 1983; Матвеева, 1984; Преш, 1985 и др.) — анализируется в первую очередь общее свойство всех связующих элементов их структурной организации, т.е. релятивность, способность этих элементов выражать отношения между конститuentами целостного образования. В текстах одного автора, вернее в монологических текстах (что не учитывается прагматиками текста) данное свойство элементов проявляется в своем «чистом» виде, когда оно не «осложняется соединением с классом других единиц» (Арутюнова, 1980: 234), обусловленным функционированием текста в речевом взаимодействии. При этом сам процесс «осложнения» не рассматривается, так как его анализ требует выход за рамки исследования только монологических текстов. Выявление же релятивной природы коннекции конститuentов целостного текста вскрывает в сущности лишь ее одноплановую направленность на экстенсивное (вертикальное) сцепление следующих друг за другом элементов, независимо от их анафорических или катафорических показателей.

При этом остаются без должного внимания те моменты в передаче информации, которые существуют и присутствуют в процессе протекания коммуникативного и речевого актов, т.е. в «процессе порождения текста» (см.: Пробет, 1981: 6), а именно: адресат, его реакция на излагаемое в виде текста, его отношение к говорящему как автору текста (см. о факторе адресата в общении: Арутюнова, 1981; Димитрова, 1985; Кларк, Карлсон, 1986; Почепцов,

1986), обусловленность выбора типа связи для создания целостного в тематическом плане текста, роль такой связи в формировании успешного «оценочного восприятия» тематического пространства адресатом и т.п. Эти и другие вопросы остаются за пределами анализа монологических текстов.

Однако выделенные в рамках названного подхода категориальные свойства текста как продукта речевой деятельности могут оказаться полезными при описании его функциональной природы как инструмента, орудия в процессе интерактивного общения с целью выявления механизма эффективности этого процесса. Действительно, названные свойства текста как речевого произведения (интенциональность, информативность, интертекстуальность, ситуативность) могут отражать динамику взаимодействия партнеров и тем самым указывать на поиск эффективных средств воздействия на партнера в плане управления и — шире — регуляции целенаправленного общения. Хотя названные категориальные признаки текста не могут дать полного представления о природе и характере регулятивного процесса в общении, они способствуют выработке представления о том, что лежит за пределами лингвистической характеристики регулятивности общения. (Романов, 1988: 9-12)

В этой связи заслуживает внимания тот факт, что по всей очевидности сам ван Дейк был родоначальником такого разграничения дискурса и текста: «Дискурс» — актуально произнесенный текст, а «текст» — это грамматическая структура произнесенного». Ср. дихотомию: речь — язык; langue | parole; компетентность | произносимость. Дискурс — это понятие, касающееся речи, актуального речевого действия, тогда как «текст» — понятие, касающееся системы языка или формальных лингвистических знаний, лингвистической компетентности» (ван Дейк, 1989). Совершенно ясно, что дискурс уже не есть собственно речь (parole), но скорее абстрактное понятие речи. Ван Дейк — родоначальник разграничения текста и дискурса. «Дискурс» — актуально произнесенный текст, а «текст» — это грамматическая структура произнесенного. Дискурс — это понятие, касающееся речи, актуального речевого действия, тогда как «текст» — понятие, касающееся системы языка или формальных лингвистических знаний, лингвистической компетентности» (ван Дейк, 1989)

Язык/речь и текст/дискурс.

Но нельзя не обращать внимание и на письменную (т.е. фиксированную) речь, которая воспроизводит дискурс и заимствует формы его выражения и его цели: корреспонденция, мемуары, пьесы, труды по дидактике, сценарий телевизионной программы, одним словом — все жанры, в которых кто-либо выступает в качестве говорящего, организует своё высказывание, соотнося его с категорией лица. **Различия между изложением фактов и дискурсом совсем не совпадают с теми, что различают язык и речь.** В наше время исторические высказывания сохранились на письме, но дискурс существует как

в письменной, так и в устной форме. На практике одно переходит в другое. Каждый раз, когда дискурс появляется в центре исторического повествования, например, когда воспроизводятся чьи-либо слова или когда говорящий намеревается дать комментарий по поводу каких-либо событий, то мы прибегаем к иной системе времён, которая принята в дискурсе.

Э. Бьюиссанс попытался несколько расширить речедеятельностный характер дискурса, придавая ему прагматическую (инструментальную) направленность. Опираясь на моррисовскую триаду: семантика — синтактика — прагматика, он выделяет: «*language* — систему, представляющую некую отвлеченную умственную конструкцию, *discourse* — комбинации, посредством реализации которых говорящий использует код языка, и *parole* — механизм, позволяющий осуществить эти комбинации (т.е. семиотический акт)».

«*language* — система, представляющая некую отвлеченную умственную конструкцию, *discourse* — комбинации, посредством реализации которых говорящий использует код языка, и *parole* — механизм, позволяющий осуществить эти комбинации (т.е. семиотический акт)» (Э. Бьюиссанс)

Дискурс и коммуникация; дискурс vs система языка

«Предложение представляет собой неопределённую безграничную структуру, живого человека в действии. Мы делаем вывод, что, оставляя предложение как элемент знаковой структуры языка, мы вступаем в иное языковое пространство, которое может рассматриваться как инструмент языковой коммуникации, выражение которой и есть дискурс» (Бенвенист, 1974:110)

Эмиль Бенвенист противопоставляет дискурс системе языка: «Предложение представляет собой неопределённую безграничную структуру, живого человека в действии. Мы делаем вывод, что, оставляя предложение как элемент знаковой структуры языка, мы вступаем в иное языковое пространство, которое может рассматриваться как инструмент языковой коммуникации, выражение которой и есть дискурс» (Бенвенист, 1974: 110). Рассматривал дискурс как часть процесса коммуникации, Э. Бенвенист, однако, противопоставляет дискурс истории, т.е. какому-то сюжету (нарратив, по всей очевидности), что в большей степени характерно для французского языка, чем для английского, так как в английском языке существует более сложная система временных форм глагола. Так, например, система форм прошедшего времени в английском языке использует различные средства для передачи и выражения каких-либо событий внутри какого-то сюжета.

Таким образом, очевидно, что приведенные дефиниции и трактовки дискурса имеют достаточно **широкий разброс**. В первую очередь дискурс отождествляется с любым высказыванием, которое указывает (даже имплицитно) на наличие говорящего и слушающего.

Нередко под дискурсом подразумевается намерение говорящего оказать речевое воздействие на партнёра по коммуникации. С этих позиций выделяется

речевой дискурс, под который подходит как любой обыденный разговор, так и хорошо подготовленная заранее речь.

Дискурс и диалог

Чрезвычайно близко к понятию дискурса и понятие «диалог». Дискурс, как и любой коммуникативный акт, предполагает наличие двух фундаментальных ролей — говорящего (автора) и адресата. При этом роли говорящего и адресата могут поочередно перераспределяться между лицами — участниками дискурса; в этом случае говорят о диалоге. Если же на протяжении дискурса (или значительной части дискурса) роль говорящего закреплена за одним и тем же лицом, такой дискурс называют монологом. Неверно считать, что монолог — это дискурс с единственным участником: при монологе адресат также необходим. В сущности, монолог — это просто частный случай диалога, хотя традиционно диалог и монолог резко противопоставлялись.

В последние годы для современной лингвистики характерно смешивание понятий дискурса и диалога. Причем, термин «дискурс» очень часто включает в себя и трактовку понятия «диалог». Достаточно редко «дискурс» понимается как двухкомпонентный предмет, включающий динамический процесс языковой деятельности, определенный социальным контекстом. Вообще говоря, термины «текст» и «диалог» как более традиционные обросли большим количеством коннотаций, которые мешают их свободному употреблению. Поэтому термин «дискурс» удобен как родовой термин, объединяющий все виды использования языка.